

ческой трактовки государства), но реальное, фактическое содержание, которое опосредуется, упорядочивается и оформляется через регуляцию поведения людей в системе взаимодействия социальных групп и институтов правовыми нормами, правилами и принципами. Отсюда следует, что без ясного представления о характере, смысле и специфике содержания того или иного общественного отношения невозможно эффективное и целенаправленное регулирование этого отношения.

В современном обществознании деятельностный подход по-прежнему продолжает выполнять методологически фундаментальную роль, претендуя на универсальное объяснение как мира культуры и общественных отношений, так и внутреннего мира человека.

¹ См.: Керимов Д. А. Методологические функции философии права // Государство и право. 1995. № 6. С. 16.

² Малинова И. П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996. С. 3.

³ Желтова В. П., Дробницкий О. Г. Философия и правосознание // Философия и ценностные формы сознания. М., 1978. С. 157.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 29.

⁵ См.: Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: Материалы «круглого стола» // Государство и право. 1996. № 4. С. 41.

⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 276.

⁷ См.: Андреев Ю. П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985. С. 46.

Б. В. Емельянов
Р. А. Зайнетдинова
г. Екатеринбург

СЕМИОСФЕРА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Социально-гуманитарное познание оформилось в систему задолго до естественных наук, так как оно должно было регулировать политические, правовые, экономические, личностные отношения. Чисто социальный смысл первоначально имели и фундаментальные понятия порядка и закона. При этом статус научности оно приобрело позже естествознания, оставаясь в состоянии сакральной социальной магии или профанной социальной технологии — познания, ориентированного на непосредственное практическое применение.

Формирование гуманитарных наук, основными объектами ко-

торых становятся состояния культуры, человеческое общество и его история, естественный язык, литература и искусство, результаты творческой деятельности и сам процесс творчества, сопровождались выявлением ряда специфических процедур их исследования (отнесением к ценностям, понимание, идеографический метод, нарративные описания и т. д.). Специфическим предметом гуманитарного познания являются тексты, под которыми понимаются любые знаково-символические системы, способные быть носителями информации и опосредующие таким образом взаимодействие человека с миром и другими людьми. В свою очередь становление любой науки как формы рационально-теоретического познания в отличие от рецептивно-технологического характера практической деятельности требует разработки универсально-теоретических методов. Другими словами, понимание смысла текста, его прочтение и оценка осуществляются с помощью метода.

Так в начале XX века возникает семиотика, идея создания которой приходит почти одновременно к нескольким философам. Американский логик и философ Ч. С. Пирс (он и предложил название «семиотика») дал определение знака, первоначальную классификацию знаков и установил задачи и рамки новой науки¹. Уже изначально семиотика представляла собой метанауку — особого рода надстройку над рядом наук, оперирующую понятием знака. Лингвистическая линия принадлежит швейцарцу Ф. де Соссюру, обосновавшему «семиологию» как науку о жизни знаков внутри жизни общества². А в 1923 г. выходит работа немецкого философа Э. Кассирера, посвященная философии символических форм, т. е. фактически тоже науке о знаках (т. е. символах, в терминологии Кассирера)³.

Опыт обоснования семиотики как метода в русской философии принадлежит Московско-Тартуской школе, к числу основоположников, активных участников и ведущих представителей которой относился Юрий Михайлович Лотман. Наиболее существенную предпосылку совместной упорядоченной жизни людей, их развития и возможности решения проблем жизнеобеспечения Лотман видит в способности накапливать, передавать и порождать информацию с помощью знаков, знаковых систем и их комбинаций: «Говорим ли мы или пишем на каком-либо языке (эстонском, английском, русском, чешском или любом другом), наблюдаем ли сигнализацию уличных светофоров, читаем роман или смотрим кинофильм, улавливаем сигналы из космоса или дешифруем язык дельфинов, — мы стремимся включиться в некоторую систему коммуникаций и получить передаваемую с ее помощью информацию. Без

получения, хранения и передачи информации невозможна жизнь человека — ни познание мира, ни организация человеческого общества»⁴. Соответственно все виды информации и процесс обмена информацией относятся к области коммуникации, базируются на различных видах «текстов» и изучаются всеми науками, которые занимаются характером, содержанием и изменением человеческого знания (философия, филология, история, антропология и др.). Здесь внимания заслуживают не только общие формы и механизмы «естественной» повседневной коммуникации (бытовой, деловой, административной, политической, религиозной и т. д.), но и специфические художественные информационные процессы (изобразительное искусство, литература, музыка), а также «искусственные» информационные процессы частных научных дисциплин.

Накопление информации, обмен информацией и ее порождение, таким образом, — предпосылки и формы любой коммуникации, сопровождающие в виде конкретных текстовых проявлений почти каждый вид человеческой деятельности. Понятие культуры в широком смысле, обобщает все явления подобного рода и включает в себя не только тексты в традиционном понимании, но и тексты как упорядоченные смысловые комплексы, выполняющие определенные прагматические функции (обычаи, мифы, сказки, ритуалы и т. д.). В работах анализирующих конкретные тексты и в теоретических сочинениях Лотман сосредотачивал внимание на выявлении управляющих сознанием механизмов различных моделирующих знаковых систем, их познавательной и коммуникационной функциях. Основные задачи Юрия Михайловича можно разделить на четыре группы:

1. Выявление специфических и универсальных признаков и механизмов отдельных знаковых систем (естественный язык, литература, кино, мифология и др.) и моделей (стихотворение, роман, фильм);

2. Анализ взаимоотношения плана выражения и плана содержания в знаках, знаковых системах и моделях, раскрытие условий порождения и функционального значения отдельных семантических единиц и целых форм сознания (моделей мира, идеологий и т. д.);

3. Типологизация форм сознания (идеологий) как основа культурных моделей;

4. Изучение методологических аспектов знакообразования.⁵

Рассматривая отдельный семиотический акт, Ю. М. Лотман приходит к выводу: «Все участники коммуникации должны *уже* (курсив наш. — Б. Е., Р. З.) иметь какой-то опыт, иметь навыки

семиозиса. Таким образом, семиотический опыт должен парадоксально предшествовать любому семиотическому акту. <...> (Семиотическое пространство. — Б. Е., Р. З.) представляет собой условие их (отдельных языков. — Б. Е., Р. З.) существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними»⁶. Объектом анализа становится не едиличная модель, а семиотическое пространство — *семиосфера*, внутри которого реализуются коммуникационные процессы и вырабатывается новая информация. По признанию самого ученого, термин «семиосфера» Лотман вводит по аналогии с «биосферой» В. И. Вернадского⁷. Семиосфера — это универсум всех языков, языкоподобных образований, содержащихся в них знаков, значений и отношений знаков, включающий их общее взаимодействие. Семиосфера представляет собой интеллектуальный мир, мир мыслей, с одной стороны, она — нечто рождаемое человеком, с другой — окружающая нас сфера, вне которой интеллектуальное генерирование было бы невозможно. Так же, как и биосфера имеет строение, определяющее все без исключения в ней происходящее, семиосфера является синхронным семиотическим пространством, заполняющим границы культуры, будучи одновременно и условием работы отдельных семиотических структур и их порождением. Таким образом, понятие «семиосфера» оказывается синонимом культурной сферы, культурного поля человеческого общества.

Определяя семиосферу как семиотическое пространство, Лотман использует топологическое понятие пространства — множество объектов-точек, между которыми существует отношение непрерывности. С этой точки зрения пространство — универсальный язык моделирования. Подтверждением этому является то, что в бытовой речи мы выражаем временные категории на пространственном языке: *предыдущий*, *последующий*, время бежит и т. д., а обратная ситуация невозможна⁸.

Среди источников идеи семиосферы, помимо понятия «биосферы» как космического механизма В. И. Вернадского, можно выделить следующие:

1. Концепция Фердинанда де Соссюра и теория текста, сформировавшаяся у Лотмана в процессе его филологических исследований. Если швейцарского ученого интересовала больше проблема языка, то Лотман обращает внимание на текст как генератор новых смыслов. От понимания текста как манифестации языка автор приходит к понятию текста, порождающего свой язык. Текст становится не простой реализацией сообщения, но сложным устройством, хранящим в себе множество кодов, способным к транс-

формации переносимых сообщений и генерированию новых, обладающим чертами интеллектуальной личности⁹. Такое понимание текста неизбежно приводит Лотмана к натурализации объекта, результатом чего и явилась идея семиосферы.

2. Теория информации в кибернетике (Н. Винер, К. Шеннон). С кибернетикой возникла идея о том, что информация может рассматриваться как нечто самостоятельное, кибернетика доказала, что информация имеет непосредственное отношение к процессам управления и познания, обеспечивающим такие качества систем как устойчивость и выживаемость. Для формирования оптимального поведения в среде своего обитания система должна постоянно приспосабливаться к непрерывно изменяющимся внешним условиям. Для этого она исследует, изучает и познает эту среду путем сбора и обработки информации, как внешней, так и своей внутренней. Кибернетика рассматривает взаимодействия системы со средой и систем между собой исключительно как информационные. На основе этого Юрий Михайлович постулирует *неизбежность культур*: все потребности человека можно разделить на те, которые требуют немедленного удовлетворения и не могут накапливаться (например, дыхание) и те, которые осуществляются путем накопления некоторых резервов. Последние откладываются, с этим связан процесс *возрастания информации*¹⁰. С определением культуры как информации встает вопрос об ее отношении к основным способам передачи и хранения этой информации, т. е. к языку и тексту. Тяготение культуры к многоязычию и функционирование ее на фоне не-культуры определяет механизм ее работы: переводение одних и тех же текстов в другие семиотические системы, идентификация текстов, перемещение границ между текстами культуры и находящимися за ее пределами.

3. Концепция М. М. Бахтина. Идея Лотмана о необходимости для культуры по крайней мере двух семиотических языков прямо вытекает из бахтинского диалога. Коммуникация возможна только в случае, когда есть пара не тождественных систем, имеющих общую область — точки смыслового напряжения, где происходит рождение нового смысла. С этой точки зрения простой коммуникации нет, есть только диалогическая, способствующая приращению смысла. *Семиотическая личность* — это индивидуальность, обладающая набором кодирующих структур и памятью, которые, будучи общими с другими аналогичными устройствами (условие общения), в то же время индивидуальны (условие, одновременно затрудняющее общение и делающее его интеллектуально плодотворным).

Займствовашя, которые Лотман осуществлал в области методологии и понятийного аппарата у таких смежных дисциплин, как логика, статистика, теория моделей, топология, структурная лингвистика, культурная антропология и т. д., могут рассматриваться как попытки преодоления методологических трудностей в культурологии. Функция займствований заключалась в том, чтобы с помощью дополнительных методов и структурных единиц получить контроль над неповторимо индивидуальным, над самой жизнью, несмотря на неуловимое многообразие. Займствованные понятия пригодные благодаря своему характеру для более систематического, чем прежде, исследования помогали выделить дискретные единицы нового рода (такие понятия, как «универсалия», «фон / передний план», «множество», «окружение», «граница» и т. д.). Речь идет не столько о единицах, которые сознательно вычленяются «здравым человеческим рассудком» в ходе «нормального» восприятия, сколько о тех сегментах текста и культуры в целом, которые «при нормальном чтении» воспринимаются на бессознательном уровне и ускользают от внимания¹¹.

Среди них Лотман называет бинарность (т. е. существование множества, по крайней мере, двух действующих систем языков); асимметрию (т. е. неравномерность, неоднородность частей, сложные взаимоотношения центра и периферии и т. д.); возможность унифицировать разнообразие системы, описать его единым мета-языком; границу, одновременно отделяющую «свое» от «чужого» и ведущую диалог между разнородными частями семиозиса.

Первая указанная характеристика — бинарность. Ситуация, при которой пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, но только их совокупностью, есть не недостаток, а условие существования языка и культуры, т. к. диктует необходимость *другого* — человека, языка, культуры. Смысл коммуникации заключается в приращении информации, но этого приращения не произойдет в двух случаях: если элементы коммуникации (языки, разные культуры и т. д.) полностью совпадают ($A = B$), и если они (элементы) абсолютно несопоставимы ($A \parallel B$). Поэтому он говорит о некотором пространстве пересечения A и B , хотя ценность диалога оказывается связанной не с ним, а с передачей информации между непересекающимися частями.

Перевод — это основной механизм сознания, т. е. выражение некоторой сущности средствами другого языка — основа выявления природы этой сущности. Языки же не имеют взаимно однозначных смысловых соответствий, отсюда Лотман делает вывод об *асимметричности* всей семиосферы как генератора информа-

ции. Принцип асимметрии хорошо показан на структуре взаимоотношения центр — периферия (или ядро — периферия), где центром являются наиболее развитые и структурно организованные языки (например, естественный язык данной культуры), а периферией — частные языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры, и языкоподобные образования.

Обозначенное понятие «метаописание», которое тесно связано с другим понятием — «метаязык», также требует пояснения. Для нормального функционирования культура, как многофакторный семиотический механизм, должна понимать себя целостной и упорядоченной. Требование целостности (наличия единого принципа конструирования) реализуется в автодескриптивных образованиях метакультурного уровня, которые можно представить как совокупность текстов или грамматик. «Своя культура» противопоставляется другой как «не-культуре», по принципу «организованности» — «неорганизованности». Язык своей культуры, которая принимается за норму, становится метаязыком, а другие культуры характеризуются не наличием каких-то других признаков, по отсутствием признаков своей культуры¹².

Семиосфера строится как концентрическая система, в центре которой находятся наиболее очевидные и последовательные структуры, представляющие мир упорядоченным и наделенным высшим смыслом. Ядерная структура («мифообразующий механизм») репрезентирует семиотическую систему с реальными структурами всех уровней. Движение от центра к периферии повышает степень неопределенности и дезинтеграции, свойственные внешнему по отношению к семиосфере миру, и подчеркивает значимость одного из главных понятий — *границы*. Единство семиотического пространства семиосферы достигается не только метаструктурными построениями, но в большей степени — единством отношения к границе, отделяющей внутреннее пространство семиосферы от внешнего, ее «в» от ее «вне». Граница семиосферы понимается Лотманом как сумма билингвальных переводчиков-фильтров, обозначающих также тип социальных ролей и обеспечивающих семиотизацию поступающего извне и превращение его в сообщение¹³.

Дело в том, что реально любая Семиосфера не погружена в хаос, а соприкасается с другими семиосферами. В процессе самоописания, как уже было отмечено, семиотическое пространство делится на «свое» и «чужое», в этой ситуации возникает противостояние, семиотическая «война». Это происходит потому, что культура создает не только свой тип организации, но и свой тип внешней «дезорганизации», все «чужое» воспринимается как неорганизо-

важное. Чтобы вести «войну» с этим «чужим», нужен общий язык, выработка которого на границе и происходит. Граница имеет и другую функцию, это место, где происходят ускоренные семиотические процессы, которые затем устремляются в ядерные структуры, чтобы вытеснить их. Семиосфера не однородна, границы существуют и внутри нее.

Одним из принципов организации структуры является отношение бипарности. Но результатом описания являются жесткие структурные полюсы и не захватывается широкая полоса нейтральных элементов, имеющих к ним двойственное отношение. Это снимает внутреннюю неполную упорядоченность системы, которая придает ей гибкость и увеличивает степень непредсказуемости ее поведения. В реальной системе неисчерпаемость скрытых возможностей выше, чем в описанной. Амбивалентность (двойственность, неоднозначность) как определенный культурно-семиотический феномен впервые была описана в работах М. М. Бахтина. Рост внутренней амбивалентности соответствует моменту перехода системы в динамическое состояние, это показатель приближения момента динамического скачка. Таким образом, культура как сложное семиотическое целое развивается между двумя полюсами. Один из которых является статической моделью языка (искусственные языки), ориентирован на передачу примарной информации и не нуждается во внешнем окружении, выполняющем роль динамического резерва. Соответственно, второй представляет собой динамическую модель языка (например, поэтический язык), ориентирован на передачу вторичной информации и имеет необходимость внесистемного окружения.

¹ Постепенно, конечно, у семиотики обнаруживаются все более глубокие корни в учениях Аристотеля, Филона Александрийского, стоиков, Августина Блаженного, схоластиков, Гоббса, Локка, Лейбница, в исследованиях по языкознанию Потебни, Гумбольдта и др.

² Термин «семиология» и сейчас используется в некоторых традициях (прежде всего во французской) как синоним семиотики.

³ Следует отметить, что если одни исследователи вслед за Э. Кассирером рассматривают семиотику фактически как раздел символистики, то другие, напротив, включают последнюю в семиотику.

⁴ Лотман Ю. М. Люди и знаки // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 7.

⁵ См. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М., 1998. С. 229–231.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 250.

⁷ Следует предупредить смешение понятий «ноосфера» и «семиосфера».

Оттолкнувшись от учения В. И. Вернадского о биосфере, французский математик и философ Э. Леруа в 1927 году первым ввел понятие «ноосферы», назвав так современную стадию, геологически переживаемую биосферой. Понятие было предложено совместно с геологом, палеонтологом и философом П. Тейяр де Шарденом, который понимал ноосферу как «мыслящий пласт, который разворачивается над миром растений и животных вне биосферы и над ней». В. И. Вернадский принял понятие «ноосфера» и использовал, вложив в него несколько другое содержание. Для Вернадского ноосфера — «новое геологическое состояние биосферы, связанное с планетарным характером человеческого бытия», закономерный этап ее развития. Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывающее часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер. Это отнюдь не означает, что понятие «пространство» употребляется здесь в метафорическом смысле. Мы имеем дело с определенной сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству.

⁸ См.: Лотман Ю. М. Письма (1940–1993). С. 270.

⁹ См.: Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. Т. 1. С. 133.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры // Семиосфера.

¹¹ См.: Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. С. 235–236.

¹² См.: Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры / Семиосфера. С. 463.

¹³ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Там же. С. 262–267.